

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ВИДОВЫМ ФОРМАМ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Людмила Владимировна Кулакова

(Россия, 198217 Санкт-Петербург, п/о 217, до востребования)

Изучение видового функционирования в настоящее время связано с закономерностями двух уровней – предложения, где определяющую роль играет категориальная видовая семантика, и текста, где различные аспектуальные отношения служат одним из способов внутритекстовых связей и сохранения текста от разрушения.

Аспектологический анализ фрагментов художественного текста дает возможность выделения и последующей типизации аспектуально значимых текстовых единиц, на основе которых строится система, обучающая употреблению видовых форм в монологической речи.

Выделение типового учебного материала при обучении глагольному виду на материале художественных текстов возможно при наличии системы критериев, разработанных на основании принципов отбора грамматического материала. В свою очередь принципы отбора материала соотносятся с методическими принципами обучения русскому языку как иностранному. И обучение грамматике необходимо осуществлять в процессе речевой деятельности при сознательном осмыслении подлежащего усвоению материала. При коммуникативно-системном подходе к преподаванию грамматики учитываются те методические принципы, в которых отражаются требования к отбору и организации грамматического материала: комплексность, взаимосвязь лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии, синтаксическая основа организации изучаемого материала. Комплексность при изучении глагольного вида на основе текста понимается как тесная связь синтаксического и морфологического аспектов не только на уровне предложения, но и на уровне текста.

Взаимосвязь лексики и грамматики ясно прослеживается на всех этапах обучения глагольному виду. На начальном этапе некоторые методисты предлагают обучать глагольному виду исключительно на лексической основе. Подобный подход представляется перспективным, т.к. традиционное обучение на морфологической основе в пределах одной видовой пары, функционирующей в одинаковых контекстах, нейтрализует видовые различия. Вид как морфологическая категория в неславянских языках отсутствует и усвоение видовых различий неславянами должно опираться на смысловые структуры родного языка, выражающие соответствующую "зону смыслов". Данное положение относится не только к

начальному этапу обучения употреблению видов, но и к основному. На основном этапе обучения тесная связь лексики и морфологии ярко раскрывается при изучении способов глагольного действия, которые не представляют собой грамматические категории, оставаясь в рамках лексических различий. Морфологическое значение глагольного вида и лексическое определенной группы способов глагольного действия так взаимосвязаны, что учащиеся воспринимают семантическое значение одной группировки способов глагольного действия, например, начинательно-го, как общее значение совершенного вида (далее СВ).

При обучении глагольному виду на синтаксической основе связь лексики и морфологии раскрывается в необходимости употребления определенных видовых форм в зависимости от лексических показателей процессности, повторяемости, мгновенности действия и с учетом синтаксической структуры предложения. В надфразовом синтаксисе эта связь остается столь же тесной, т.к. указанные показатели могут влиять на выбор формы не только на уровне изолированного предложения, но и на уровне текста.

Из сказанного можно сделать вывод: при коммуниктивно-системном подходе типовой текст как единица обучения глагольному виду, организованная на синтаксической основе, раскрывает тесную взаимосвязь лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии.

В традиционной методике отбор материала для обучения основан на лингвистических критериях, отражающих функционирование видов в ограниченном контексте. Главный критерий отбора – частотность употребления глагольных форм времени и наклонения в соответствующих видовых функциях. Принцип коммуниктивной необходимости и достаточности реализуется в системе критериев, определяющих употребление определенной видовой формы в соответствующей речевой ситуации, в которой и определяется коммуниктивная установка говорящего, влияющая на выбор вида. В настоящее время системы подобных критериев не выработано, т.к. типология речевых ситуаций (на уровне короткого диалогического единства или изолированной фразы) находится в стадии разработки.

Типовой текст – единица обучения глагольному виду. Для отбора текстовых фрагментов предлагается следующая система критериев:

1. Стилистическая маркированность текста – принадлежность к художественному стилю. Данный критерий реализует принцип коммуниктивной необходимости и достаточности.

Тексты и текстовые фрагменты из художественных произведений способствуют формированию навыков и умений продуцирования монологической речи в социально-культурной сфере общения, значение кото-

рой на основном этапе обучения возрастает в связи с общим снижением мотивации в изучении русского языка иностранными студентами.

Видовые ошибки – помехи в восприятии и порождении текста, т.е. в коммуникативном акте. Художественный текст наиболее насыщен глаголами в разных видовых функциях, что повышает его значимость и необходимость использования в обучении по сравнению с текстами других стилей. Указанный критерий учитывает принцип мотивации, т.к. художественные произведения значительно повышают интерес к изучаемому языку, оказывают воздействие на чувства и эмоции, повышают речевую культуру, развивают чувство языка. Значимость эмоционального фактора для воспитания устойчивой познавательной мотивации при овладении русским языком заставляет обращаться к художественной литературе во всех формах обучения. Художественный текст, в силу своей специфики, несет большую психолингвистическую информацию о языке, о своеобразии его функционирования в культуре и жизни народа. Это определяет влияние художественной литературы на активизацию эмоционально-мотивационных механизмов усвоения. Таким образом указанный выше критерий соотносится и с принципом методической целесообразности: при использовании художественного текста в обучении видовым формам активность студентов повышается, эффективность усвоения возрастает.

Целесообразность использования художественного текста в качестве материала для обучения глагольному виду подтверждается данными выборки глаголов СВ и НСВ из "Частотного словаря русского языка" под редакцией Л.Н. Засориной (1977). Среднее количество глаголов, функционирующих в тексте художественного стиля составляет 6,8, в тексте научно-публицистического – 3,9. Частотность употребления глаголов в художественном тексте почти в два раза выше. Существенно и качественное различие в употреблении видо-временных форм в художественном и научном стилях речи. Тексты научного стиля не отличаются разнообразием видовых форм глагола: преимущественно употребляются глаголы НСВ в настоящем времени.

2. Второй критерий, по которому проводится отбор текстов, принадлежность к определенным, в терминологии О.А. Нечаевой (1974), функционально-смысловым типам речи, из которых мы рассматриваем описание и повествование. Выделяемые на основе функционально-смысловых типов речи текстовые фрагменты соответствуют реальным коммуникативным актам и являются образцами для построения собственных монологических высказываний.

Анализ видовой соотносительности во фрагментах, представляющих указанные выше функционально-смысловые типы, позволил сделать вывод о преимущественном функционировании глаголов НСВ в описа-

нии и глаголов СВ – в повествовании. Отбор учебных художественных текстов, основанный на функционально-смысловой типологии речи, создает предпосылки для формирования навыков и умений в употреблении вида в соответствии с функционированием их в реальных коммуникативных актах.

3. Смысловая законченность фрагментов выступает в качестве третьего критерия при их отборе. Все предложения во фрагменте связаны единством содержания, развитием одной мысли, составляют одну микротему. Смысловую законченность текста или фрагмента организует такой психологический фактор как "влияние (вливание) смыслов" (Выготский 1956), что также учитывается при отборе текстов. "Влияние смыслов" осуществляется и на уровне функционирования форм глагольного вида в тексте. Функциональная зависимость видовых форм в тексте обусловлена не столько языковым значением каждой отдельной формы, сколько тем смыслом, который заложен в этом значении и в окружающем контексте.

4. Четвертый критерий – структурная заданность текста или фрагмента. Большая часть фрагментов состоит из трех частей: экспозиции, основной части или реализации экспозиции и заключения. Функционирование видовых форм, смена глаголов СВ и НСВ связаны со структурно-композиционным построением текста. В экспозиции, представляющей одно-два предложения, могут выступать как глаголы СВ, так и НСВ. И те, и другие выполняют обобщающую функцию и подготавливают к восприятию дальнейшего сообщения, переход к которому в зависимости от типа текста знаменует сменой видовой глагольной формы. Глагольные действия и состояния в основной части практически всегда выражены формами одного вида. Грамматическим средством оформления заключительной части может быть изменение видо-временного плана, реализованного в основной части. В других случаях это – прерывание цепи однородных сказуемых, выраженных глаголами СВ, с помощью некоторых союзов (*и, но*).

5. При вычленении фрагментов последовательно учитывался такой фактор как насыщенность их глагольными формами, вид и видовая функция которых характерны для соответствующего типа текста: конкретно-фактическая функция глаголов СВ реализуется в динамических текстах, для процессных характерно употребление глаголов НСВ в конкретно-процессной функции и т.д.

В данной критерии реализуется принцип связи грамматики с лексикой: для обучения отбирались те тексты, в которых имелись лексические показатели аспектуальности: процессности, повторяемости, однократности, помогающие студентам при восприятии материала правиль-

но определить тип аспектуальной макроситуации и вид глаголов, а при воспроизведении правильно употребить.

6. В систему критериев входит также связность фрагмента. Наряду с основными способами связи между предложениями, к которым относятся союзы и союзные слова, указательные и анафорические местоимения, лексический повтор, соотношение временных форм глаголов-сказуемых, мы выделяем видовую соотнесенность глагольных форм, которая имеет место как при "цепном" соединении предложений, так и при "параллельном" (Солганик 1973). Единый аспектуальный план, т.е. употребление форм одного глагольного вида на протяжении всего фрагмента, часто является основным формальным средством, при параллельном соединении предложений.

7. Седьмой критерий определяет размеры выделяемых для обучения текстов фрагментов, которые содержат от 2-х до 9-10-ти предложений. Количество глаголов, функционирующих в выделенных текстовых единицах, колеблется от 3-х до 11-ти. В определении протяженности фрагментов учитывались методические, лингвистические и психологические факторы: уровень знаний о функционировании видовых форм в тексте, навыков и умений употребления этих форм в монологической речи, данные о возможностях кратковременной и долговременной памяти, когда имеет значение "магическое" число 7 ± 2 .

8. Восьмой критерий – художественная ценность и лингвистическая значимость отобранных текстов. Повышение речевой культуры студентов, особенно обучение их умениям не использовать в монологической (научной, публичной, художественной) речи вульгарных, жаргонных и просторечных слов и выражений, возможно при использовании лучших в языковом отношении образцов русской прозы XX века. Материалом для отбора послужили произведения М. Алданова, Е. Андреевой-Бальмонт, Б. Зайцева, Ю. Казакова, К. Паустовского, В. Распутина, А. Толстого и других писателей.

Аспектологический анализ выделенных фрагментов проведен в традициях ленинградской аспектологической школы и в соответствии с теорией и методикой анализа видо-временных форм русского глагола в языке художественных произведений, которые были заложены В.В. Виноградовым (1980). Рассматривая глагольные формы в единстве временных и видовых значений, он определил их стилистические функции и композиционно-синтаксическую роль в структуре художественного повествования (в "Пиковой даме" А.С. Пушкина). Концепция В.В. Виноградова получила свое дальнейшее развитие в многочисленных исследованиях русских и зарубежных аспектологов. В России в последние десятилетия видовые функции на уровне целостных художественных текстов и фрагментов изучались в работах Ю.С. Маслова (1984), А.В. Бондарко

(1982), Е.А. Иванчиковой (1976), Е.Н. Прокопович (1982), Л.М. Лосевой (1980), В.П. Лунёвой (1966), Т.А. Калабуховой (1981) и многих других.

В основу выделения и классификации аспектуально значимых текстовых единиц положен тип видового контекста (ТВК), разработанный А.В. Бондарко (1971). Идея ТВК нашла свое отражение в практике преподавания глагольного вида. Употребление вида в изолированном предложении обусловлено как языковыми (лексическое значение глагола, значение грамматической формы времени и наклонения, лексические и грамматические показатели аспектуальности), так и речевыми факторами, основным из которых является коммуникативная задача говорящего.

Функционирование видовых форм в тексте также зависит от перечисленных факторов. Вместе с тем исследованный текстовый материал показывает зависимость использования форм глагольного вида от общего смысла высказывания, от структуры, от стиля и типа речи, реализованных в тексте. Направление аспектологического анализа от семантики к средствам ее выражения дает возможность учесть все элементы высказывания и экстралингвистические факторы, участвующие в выражении аспектуальных отношений во фрагментах текстов.

Принятый нами подход к анализу видовой соотносительности потребовал введения нового понятия **"аспектуальная макроситуация" (АМС)**, в которой рассмотрены **различные комбинации аспектуальных ситуаций, образующие законченный смысловой блок**. Фундаментом для выделения и типизации АМС послужила теория аспектуальных ситуаций А.В. Бондарко (1983). Исследование текстовых фрагментов позволило выделить следующие АМС: процессную, комбинированную процессно-фактическую, макроситуацию повторяющегося действия и динамическую. Каждая из них образует особый тип, обладающий своим набором постоянных и переменных признаков. **Процессная АМС** имеет следующие постоянные признаки: перцептивность (наблюдаемость), конкретность места, локализованность во времени, неограниченность глагольных действий пределом. Примером процессной АМС может служить следующий фрагмент текста:

"Однажды Никита сидел на гребне канавы, у дороги, и, подпершись, глядел, как по берегу верхнего пруда, по ровному зеленому выгону ходит табун. Почтенные мерины, опустив шеи, быстро рвали еще короткую траву, обмахивались хвостами; кобылы поворачивали головы, поглядывая, здесь ли жеребенок" (А. Толстой, Детство Никиты).

Наряду с постоянными признаками процессную АМС характеризуют переменные, к которым относятся единичность и одновременность процессных действий, незамкнутость процессного ряда и целостность

временного периода. В процессной АМС функционируют глаголы НСВ преимущественно в конкретно-процессной функции.

Различные сочетания глаголов СВ и НСВ, соотношения процессов и фактов характеризуют **комбинированную АМС**. Типизация комбинированных АМС (далее – КАМС) может быть только относительной ввиду сложности и многообразия аспектуальных связей в художественных текстах. Определение КАМС: **локализованная в пространстве и времени, комбинированная макроситуация, включающая одно или несколько действий, выраженных глаголами СВ в конкретно-фактической функции или НСВ, процессный, замкнутый/незамкнутый ряд или динамический ряд – "цепь" или "пучок" СВ, вместе составляющие единый смысловой блок**. Анализ КАМС показал, что при отсутствии обычных средств связи только видо-временная соотнесенность глагольных форм и зависимость наблюдаемых глагольных действий от экспозиции перцептивности, то есть от введения в ситуацию наблюдения (визуального, слухового и т.д.) служат средствами связи предложений в текстовое единство. Примерами реализации КАМС являются два следующих фрагмента текста:

"Они подъезжали к Неве. Луна скрылась, стало совершенно темно. Вдруг слева где-то вдали гулко прокатился выстрел. Дамы вскрикнули. Никонов поднял голову. Встрепенулся и Витя. Кучер оглянулся с испуганным выражением на лице. За первым выстрелом последовали другой, третий. Затем все стихло" (М. Алданов, Ключ).

"Он остановился и поднял бобровый воротник шубы, глядя с усмешкой на Брауна, который внимательно его слушал. Они стояли у моста над Зимней канавкой. По Миллионной длинным ровным рядом мерцали желтые огни. Два высоких фонаря по сторонам от Эрмитажного подъема заливали дрожащим светом фигуры каменных гигантов с заломленными за голову руками. Впереди на белом поле темнела тень колоссального дворца. Свет луны играл на снежной пелене Зимней канавки. За нею справа делился матовыми пятнами бесконечный синеватый простор, где-то далеко мигавший разбросанными огоньками" (М. Алданов, Ключ).

В обеих КАМС присутствуют признаки перцептивности, конкретности места, локализованности во времени, но в первом случае в экспозицию перцептивности вводит процессный глагол НСВ *подъезжали*, далее следует "пучок" одновременных динамических действий, выраженных глаголами СВ. Два последних действия "выпадают" из "пучка", т.к. являются последовательными и знаменуют завершение КАМС и смысловую законченность фрагмента.

Во втором отрывке в экспозиции перцептивности два глагола СВ, за которыми следует процессный ряд из семи глаголов НСВ, представляющих картину наблюдения.

В комплексе признаков, характеризующих АМС повторяющегося действия, наиболее значимым, особенно для обучения иностранцев, является признак обусловленности видовой семантики АМС видом глагола в первом предложении, который определяет аспектуальную перспективу, т.е. обязательное употребление аналогичных видовых форм на протяжении всей АМС. Пример данной АМС:

"На масленице мы не учились три дня. Я не любила эти праздники. С пятницы мы начинали есть за завтраком блины. Нам не давали больше шести маленьких тоненьких блинов, и я с большим усилием съедала четыре. Мальчики смеялись надо мной и хвастались, что могут съесть десять. Я из молодечества давилась пятым, но больше не могла. И в субботу были блины, в воскресенье – блины для гостей с зернистой икрой и большой сибирской рыбой" (Е. Андреева-Бальмонт, Детство в Брюсовском переулке).

Рассмотрим динамическую АМС на примере аспектологического анализа отрывка из рассказа Ю. Казакова.

"На лугу уже начался сенокос. Мы с тобой сели в еще не кошенной траве и цветах, и я утонул в них по плечи, ты уже ушел в них головой. Я вспомнил о яблоке, достал его из кармана, до блеска натер о траву и дал тебе. Ты взял обеими руками и сразу откусил и след от укуса был подобен беличьему" (Ю. Казаков, Во сне ты горько плакал).

В первом предложении глагол СВ *начался* в конкретно-фактической функции раскрывает динамичность конкретной ситуации, в которой действует два героя (отец и маленький сын) и сообщает о совершившемся факте.

Так же, как и в ранее проанализированных АМС, в рассматриваемой присутствует постоянный признак конкретности места.

Глагол *начался* является первым в цепи последовательных и параллельных действий и состояний, выраженных глаголами СВ. Следующий за ним глагол *сели* параллелен по отношению к первому, вводящему в динамическую ситуацию. В то же время глагол *сели* – первый в цепи последовательно сменяющихся глагольных действий *утонул, ушел, вспомнил, дослал, натер, дал, взял, откусил*. Одним из переменных признаков, характеризующих данную АМС, является "замкнутость цепи" глагольных форм СВ. "Цепной" ряд можно было бы продолжить, если бы не союз *и* с последующим за ним кратким прилагательным *подобен*, которые

обеспечивают "замкнутость цепи", завершенность АМС и законченность фрагмента.

* * *

Как показал опыт работы с венгерскими студентами основного этапа обучения и анализ видовых ошибок, допущенных ими в монологических высказываниях в устной и письменной речи, обучение видовым формам русского глагола на основе системы АМС целесообразно и эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А.В. 1971, *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение.
- Бондарко, А.В. 1982, Грамматические категории слова в тексте и в системе языка (на материале глагольного вида). В кн.: *Русский язык: Текст как целое и компоненты текста*. М.: Наука.
- Бондарко, А.В. 1983, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Л.: Наука.
- Виноградов, В.В. 1980, Стиль "Пиковой дамы". В кн.: Он же, *О языке художественной прозы*. М.: Наука, 203–240.
- Выготский, Л.С. 1956, *Избранные психологические исследования: Мышление и речь*. М.: Изд-во АПН РСФСР.
- Засорина, Л.Н. (ред.) 1977, *Частотный словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- Иванчикова, Е.А. 1976, Видо-временной контекст в художественном повествовании. В кн.: Золотова, Г.А. (отв. ред.), *Синтаксис и стилистика*. М.: Наука, 272–282.
- Калабухова, Т.А. 1981, Употребление видовых форм в отрицательных структурах как средство организации связного текста. В кн.: *Функционирование синтаксических категорий в тексте*. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена.
- Лосева, Л.М. 1980, *Как строится текст*. М.: Просвещение.
- Лунёва, В.П. 1966, Выражение отношений последовательности в повествовательном сложном синтаксическом целом. В кн.: *Вопросы словосочетания и предложения в русском языке*. Волгоград.
- Маслов, Ю.С. 1984, *Очерки по аспектологии*. Л.: Наука.
- Нечаева, О.А. 1974, *Функционально-смысловые типы речи: Описание, повествование, рассуждение*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во.
- Прокопович, Е.Н. 1982, *Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм*. М.: Наука.
- Солганик, Г.Я. 1973, *Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое)*. М.: Высшая школа.